

Научная статья

УДК 81'27-055.2 + 614 + 316.354 + 008:316.42 + 347.611

DOI 10.15826/izv1.2025.31.2.027

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ
ДОНОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ**

**Ирина Трофимовна Вепрева¹
Ирина Геннадьевна Полякова²
Ирина Владимировна Шалина³**

^{1, 2, 3} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ *irina_vepreva@mail.ru,*

<https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>

² *irinapolykova@yandex.ru,*

<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

³ *irina_shalina@mail.ru,*

<https://orcid.org/0000-0002-1127-4264>

А н н о т а ц и я. В статье предпринимается попытка социокультурного портретирования донорства как многогранного феномена, характеристика которого осуществляется с двух сторон: взгляда на объект извне — с точки зрения отражения донорства в СМИ, и взгляда изнутри — с точки зрения осмысления собственного опыта самих доноров. Базу для исследования составила корпусная выборка материала из федеральных, региональных и сетевых СМИ, а также тексты 80 интервью психолога с женщинами — донорами ооцитов и суррогатными матерями. Расширение донорской сферы от добровольной сдачи крови до передачи репродуктивных клеток и появление суррогатного материнства сформировали неоднозначный образ донора в СМИ. Донор крови обладает целым набором нравственно-волевых характеристик личности: самоотверженностью, состраданием, благородством и героизмом. Репродуктивное донорство чаще обсуждается в СМИ с точки зрения материальной

© Вепрева И. Т., Полякова И. Г., Шалина И. В., 2025

выгоды и коммерциализации; образ донора теряет свой героический ореол, приобретая негативную модальность. Анализ нарративов доноров ооцитов и суррогатных матерей показал аксиологическую амбивалентность женщины: с одной стороны, их характеризует желание помочь и самоотверженность, с другой стороны, для них важен принцип платного донорства. Табуированность темы репродуктивного донорства, неоднозначность правовых и этических вопросов этой сферы мешает СМИ освещать проблему многогранно и широко.

К л ю ч е в ы е с л о в а: СМИ; донор; донорство крови; репродуктивное донорство; ооциты; суррогатное материнство; аксиологическая амбивалентность

SOCIOCULTURAL PORTRAYAL OF DONATION IN MODERN RUSSIA: A VIEW FROM THE OUTSIDE AND FROM THE INSIDE

Irina T. Vepreva¹

Irina G. Polyakova²

Irina V. Shalina³

^{1,2,3}*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

¹*irina_vepreva@mail.ru,*

<https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>

²*irinapolykova@yandex.ru,*

<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

³*irina_shalina@mail.ru,*

<https://orcid.org/0000-0002-1127-4264>

A b s t r a c t. The article attempts a sociocultural portrayal of donation as a multifaceted phenomenon, which is characterized from two sides: a view of the object from the outside — from the reflection of donation in the media, and a view from the inside — from understanding the donors' own experience. The basis for the study was a corpus sample of material from federal, regional and online media, as well as the texts of 80 interviews of a psychologist with female oocyte donors and surrogate mothers. The expansion of the donor sphere from voluntary blood donation to the transfer of reproductive cells and the emergence of surrogacy has created an ambiguous image of donors in the media. A blood donor has a whole set of moral and volitional personality characteristics: dedication, compassion, nobility and heroism. Reproductive donation is more often discussed in the media in terms of material benefits and commercialization; the image of the donor loses its heroic aura, acquiring a negative modality. An analysis of the narratives of oocyte donors and surrogate mothers has shown the axiological ambivalence of women: on the one hand, they are characterized by a desire to help and dedication, on the other hand, the principle of paid donation is important for them. The taboo nature of the topic of reproductive donation, and the ambiguity of legal and ethical issues in this area prevents the media from covering the problem in a multifaceted and broad manner.

К е y w o r d s: mass media; donor; blood donation; reproductive donation; oocytes; surrogacy; axiological ambivalence

Введение

Донорство, будучи одним из способов демонстрации активной гражданской позиции, представляет собой сложное и неоднородное явление. Предпринятое в работе портретирование донорства как социокультурного и лингвоаксиологического феномена опирается на манифестацию двух взглядов на объект: взгляда *извне* и взгляда *изнутри* (подобный подход к анализу см.: [Купина, Шалина]).

Взгляд *извне* складывается из обсуждения и оценки факта донорства в разных его проявлениях в средствах массовой коммуникации, взгляд *изнутри* базируется на нарративах самих доноров, их отношения к донорству и рефлексивного переживания / осмысления собственного опыта.

Цель статьи — показать соположенность и взаимообусловленность двух подходов к донорству в современной социокультурной ситуации. Медийный дискурс, формируясь и развиваясь в рамках определенного общества, сам оказывает воздействие на него, выражая важные для социума идеи и создавая общественное мнение. Базу для исследования взгляда *извне* составила корпусная выборка медиаматериала с опорой на электронную базу данных Интегрум (Integrum.ru), включающую свыше 3,5 тыс. источников федеральных и региональных русскоязычных СМИ, а также выборка из сетевых СМИ. Материалом для исследования взгляда *изнутри* послужили 80 полуструктурированных интервью психолога с женщинами — донорами ооцитов (яйцеклеток) и суррогатными матерями. (Интервью состоялись в одной из репродуктивных клиник г. Екатеринбурга.)

Героика донорства в зеркале СМИ

Донорство, активную форму социального поведения, обычно связывают с добровольной сдачей крови, а донором принято называть человека, получившего право передавать свою кровь больным с целью оказания им помощи (от лат. *Donare* — «дарить», «жертвовать»).

Донорство крови стало массовым феноменом в советское время: в годы Великой Отечественной войны насчитывалось более 5 млн доноров, которые добровольно сдавали кровь, отказываясь от денежной компенсации ради нужд фронта. Кровь приобретала символическое значение дара и торжества жизни над смертью. К стеклянным банкам с консервированной кровью часто прикрепляли короткие письма типа: «Дорогой боец! Я вступаю в ряды доноров и отдаю кровь для спасения вашей жизни. Лосева Дуся, Краснознаменная, 5». Нередко доноры получали ответы: «Вчера мне была влита ваша кровь. Теперь я чувствую себя хорошо. Сердечно благодарю вас. Мы не знаем друг друга, но нас объединяет одно чувство — чувство великой ненависти к коварному врагу <...>» [Донорское движение...].

Советской культурой был сформирован положительный образ донора, в ядро нравственно-волевых характеристик которого входили самоотверженность, сострадание, благородство, героизм, преданность Родине. В морально-философской интерпретации акт жертвования мыслится как поступок, в котором

«собственное бытие донора обретает для него ценность в качестве “бытия для Другого”» [Хубулава, с. 83].

В послевоенное время количество доноров резко сократилось вследствие мифологизации представлений о рисках донорства для здоровья (инфицирование, привыкание к кроводаче, мучительность процедуры). Возрождение культуры донорства стало реальностью XXI в., когда расширилась сфера донорства: *донорство крови и ее компонентов; донор костного мозга; органное донорство; посмертное донорство; донор биоматериала, спермы, яйцеклеток* и т. п.

Кроме того, феномен донорства меняется и за счет коммерциализации этого вида помощи (об актуальных проблемах донорства см.: [Курленкова, 2014, 2016; Орловецкая]). Поэтому сегодня мы можем уточнить словарную дефиницию лексемы *донор*, расширение которой обусловлено современной текущей ситуацией: донор — это человек, получивший право на безвозмездной / возмездной основе передавать свой биологический материал (клетки, органы, ткани) для консервации и последующего распределения между реципиентами с целью оказания им помощи.

В современных СМИ пропагандируется социальная привлекательность донорства, преодолеваются мифы о его вреде для здоровья и востребованности исключительно в экстремальной ситуации (теракт, авиакатастрофа):

В последние годы общественное сознание активно меняется, и люди все больше осознают важность донорства. Миф о том, что донорство ослабляет здоровье, давно опровергнут (Губернские ведомости (Южно-Сахалинск). 2024. 25 апр.);

Донорство — это большое и доброе дело, которое спасает жизнь тысячи людей (Комс. правда. 2024. 25 марта).

Контексты употребления с лексемами *донор, донорство* эксплицируют долгосрочные государственные стратегические установки:

Ничего важнее трансплантологии и донорства просто нет (Рос. газ. 2023. 29 сент.);

Быть донором костного мозга — почетно (Рос. газ. 2021. 14 нояб.);

Сейчас донорство по праву признается стратегическим направлением российского здравоохранения (Молот (Ростов н/Д). 2023. 1 дек.);

Вопрос органного донорства является насущной практической проблемой для представителей глобальной элиты (Завтра. 2024. 11 февр.).

Лексика с событийной, темпоральной, субъектной семантикой регулярно включается в состав высказываний, манифестирующих важность осведомленности и вовлеченности людей в сферу донорства: *Всероссийская акция / Единая неделя / месяц донорства; корпоративный марафон донорства костного мозга; забег амбассадора донорства; организатор донорской акции; менеджер по популяризации донорства* и т. п. Приведем пример:

Цель акции — пропаганда безвозмездного донорства крови и костного мозга, формирование позитивного отношения к донорству крови, ведению здорового образа

жизни, пополнение рядов доноров из числа участников дорожного движения (Вечерний Мурманск. 2023. 4 июня).

Донорство крови на современном этапе получает развитие как продолжение традиций Великой Отечественной войны. Дни донора — это своеобразные акции помощи военнослужащим СВО:

***Донорство — традиция фронтовая.** Моряки эсминца «Адмирал Ушаков» сдали более 20 литров крови для нужд военных госпиталей. На корабле состоялся очередной день донора. В этот раз он прошел под девизом «Кровь для фронта, кровь для победы!», созвучным с главным, ставшим уже каноническим, лозунгом советского народа в годы Великой Отечественной войны. Такая формулировка выбрана не случайно — данное мероприятие организовано командованием эсминца **в поддержку военнослужащих, принимающих участие в СВО.** На связь эпох указывает и тот факт, что одну из переборок кают-компания мичманов, в которой происходил забор крови, украшает плакат советских времен с актуальным, как никогда, призывом: «Кровь мою боец получит и, на фронт вернувшись вновь, лавой огненной, могучей сталь обрушит на врагов!» (Красная звезда. 2024. 17 апр.).*

Донор в репродукции: герой, жертва или торговец детьми?

На общем культурном фоне героизации донорства крови донорство ооцитов (яйцеклеток) и суррогатное материнство не популяризируются в СМИ, отесняются на периферию сферы донорства в силу своей биоэтической и правовой неоднозначности, к осмыслению которой обращаются исследователи разных общественных наук. Философы размышляют о самости человека, о теле как основе человеческой идентичности [Изуткин; Майленова]. Специалистов в области экономической социологии тревожат проблемы коммерческой прибыли от торговли человеческим телом в обмен на возможную потерю здоровья [Бердышева]. Правовые вопросы поднимают юристы [Бабаджанов; Саввина], а биоэтика как наука, изучающая медицину в контексте прав человека, обращается к обсуждению этических проблем [Курленкова, 2014].

В новостных сообщениях федеральных СМИ последних лет тема суррогатного материнства появлялась в связи с результатами деятельности государственных, правоохранительных и законодательных органов [Енина, Полякова]. Материалы касались новых законопроектов, описывали криминальную хронику либо выступления публичных персон.

Акцент в СМИ делается на криминальном подтексте: *Недетский бизнес. Почему суррогатное материнство в России превращается в торговлю детьми* (lenta.ru. 2022. 16 марта). В 2020 г. большой резонанс получило *дело о торговле детьми от суррогатных матерей* (<https://www.bfm.ru/news/452801>), в рамках которого преследованию подверглись одинокие отцы, воспитывающие детей, рожденных суррогатной матерью (<https://tass.ru/proisshestiya/9596727>). *Ты инкубатор, хватит совращать Россию. Монолог суррогатной мамы о любви к своей работе* (<https://mel.fm/zhizn/istorii/2798014>) — история молодой женщины, которая родила

ребенка в программе суррогатного материнства, получив статус «инкубатора» и «совратителя».

Донорство ооцитов также оттесняется на периферию сферы донорства и имеет заведомо отрицательную коннотацию. Броские заголовки подчеркивают исключительно коммерческий характер донорских программ и угрозу жизни для женщин-доноров:

65 тысяч за процедуру. Как работает рынок яйцеклеток (Газета.ру. 2022. 12 марта);

Гормоны, органы, деньги: сколько зарабатывают доноры яйцеклеток и почему такой бизнес опасен для жизни (<https://life.ru/p/1367851>);

«Думала, что умру». Сколько зарабатывают на торговле яйцеклетками и чем это грозит (<https://ria.ru/20191014/1559638934>).

Очень немногие СМИ ориентированы на беспристрастное информирование аудитории и предоставление достоверных данных о процессе. Большинство акцентирует внимание на легитимных практиках: *Непорочное зачатие: как в России тайно рожают с помощью доноров*, либо изначально определяет статус будущего ребенка как неродного: *Родить приемного ребенка* (<https://www.psyh.ru>. 2019. 16 июня). СМИ, пытаясь манипулировать общественным сознанием, демонизируют новые технологии в репродукции.

Взгляд изнутри: социокультурный портрет женщины — донора ооцитов и суррогатной матери

Репродуктивная медицина институализировала донорство ооцитов (репродуктивных клеток), но в то же время эта медицинская процедура имеет определенные риски для здоровья женщины, а также возможные последствия, «по которым мировое медицинское сообщество еще не выработало единого мнения» [Курленкова, 2016, с. 112]. В силу этого в программу донации, добровольной сдачи здоровой женщиной половых клеток, которые впоследствии будут использованы для проведения ЭКО, входит консультация репродуктивного психолога, которого при беседе с донором интересуют социально-демографические характеристики женщины, а также мотивы, обуславливающие ее решение на донорство яйцеклеток, отношение к донорской анонимности и другие этические проблемы.

Материалом для портретирования стали полуструктурированные глубинные интервью с донорами ооцитов (64 текста) и суррогатными матерями (16 текстов). Все женщины были пациентками двух репродуктивных центров г. Екатеринбурга. Проанализируем нарративы доноров-пациентов.

Женщины, решившиеся на репродуктивное донорство, хорошо осознают значимость этого вида помощи (здесь и далее двуреплики и реплики информантов нумеруются; **Пс.** — психолог; **И.** — информант):

(1) **Пс.** *А что такое для вас вообще донор?*

И. *Вообще донор, который что-то свое отдает нуждающимся. Донор крови...*

(2) **Пс.** *А что для вас значит быть донором?*

И. *Помогать людям, которые не могут в какой-то степени, по каким-то причинам зачать своего ребенка самостоятельно.*

Факторы — образование, профессия, отношение к языку — позволяют выделить информантов, доноров ооцитов, с высоким, средним и низким уровнем коммуникативной компетенции. Образованные женщины с высоким уровнем речевой компетенции (среди них менеджеры, предприниматели, педагоги, юристы) дают полные, развернутые ответы на вопросы интервьюера, способны отрефлексировать собственное психоэмоциональное состояние и вербализовать его, аргументированно представив свою позицию, владеют литературным языком:

Пс. *Зачем вам это [донорство] нужно?*

И. *Я очень хорошо поняла, как чувствует себя человек, когда он хочет завести ребенка и не имеет этой возможности. Мне хочется помочь людям, которым этого хочется. Это первый момент. Второй момент — это обследование. Сдавая свои ооциты, я получаю полное обследование своего организма и понимаю, какие ресурсы у него есть. В моем случае это тоже будет только ЭКО. Если мы с мужем, допустим, в ближайший год собираемся завести ребенка, то часть обследований, которые будут пройдены мной в формате донорства, можно будет использовать.*

Носители просторечно-разговорной культуры, женщины, имеющие среднее специальное образование (пекарь, продавец, санитарка и т. п.) и невысокий уровень речевой компетенции, испытывают затруднения в формулировке развернутого монологического ответа, допускают отклонения от норм литературного языка, их речь бедна, насыщена сниженной, жаргонно-разговорной, просторечной лексикой, синтаксически монотонна, например: *кайфую, обалденный, на хрена, муж пришел с армии, анализы прикольные, я ошалела; я после работы, пожрать приготовить, с дочерью сижу* и др. Ср. также затруднения, которые испытывает женщина в объяснении понятия донорства:

(1) **Пс.** *Скажите, что для вас в принципе донорство? Что это значит?*

И. *Помощь, наверное, помощь.*

Пс. *...Ну какие еще могут быть возможные чувства? Представьте себе эту ситуацию... Что я чувствую?*

И. *Не знаю.*

(2) **Пс.** *А как вы чувствуете внутри? Бог одобряет ваше решение? Ваш Бог, в которого вы верите, он как относится?*

И. *Даже не задумывалась об этом, но, наверное, это хороший поступок.*

Нарративы доноров о родительской семье убеждают, что их идеал родительской семьи — это полная семья с разветвленными родственными связями, коммуникативная гармония между членами ближнего семейного круга, помощь и взаимопонимание родственников:

(1) *Ну, я прямо в семье дитя любви, я была желанна, ожидаема. Когда они [родители информанта] узнали, что у меня Софья появится, тоже были очень рады;*

(2) У меня родители переехали жить на дачу для того, чтобы у нас с мужем была полноценная семья;

(3) Брат постоянно заступался за меня, в школе все время и в садике, я помню. Конечно, в подростковом возрасте и дрались, всякое было. Сейчас очень хорошие отношения, мы с ним созваниваемся каждый день. Что я звоню ему, и он мне звонит, и у нас там «Привет, мой хороший».

Образ детства в благополучной семье связывается с совместным времяпрепровождением, праздниками и развлечениями, семейными традициями, приобретением новых знаний и умений, хобби, сменой видов досуговой деятельности и в целом — с позитивными эмоциями, представлением о близких как любимых, значимых людях. В высказываниях о детских годах, проведенных в родительской семье, включается эмоционально окрашенная лексика позитивной оценки:

(1) Учеба в музыкальной школе приносила мне большое удовольствие;

(2) Веселое детство. Я помню только всякие хорошие моменты: вечно в деревне, рыбу вилкой ловили;

(3) Не находила времени, чтобы скучать. Либо с братьями, сестрами двоюродными, либо баскетбол, волейбол;

(4) Я помню, что мы все время что-то вышивали, вязать я умею, я сейчас вяжу шапки, всякое такое;

(5) У папы был собственный бизнес, мы постоянно ездили куда-то отдыхать, всякие развлечения были... Я занималась в цирковой студии, выступала в цирке. Гимнастика, акробатика. В разные секции ходила, в лагерь ездила;

(6) На велосипеде каталась, занималась спортивно-бальными танцами, и непрофессионально для развития единоборствами, кунг-фу.

Негативные семейные сценарии — развод родителей, ранняя смерть матери, скандалы на фоне измен, пьянство и рукоприкладство отца, эмоциональное отвержение ребенка старшим членом семьи, гиперопека, тотальный контроль, наказания и др. — также нередки в историях доноров. Ср.:

Меня отец не бил, не кричал, но я видела его безответственность, что мама из-за этого переживала, плакала, что он уходил, гулял, его долго не было, у меня такое очень сильное сочувствие к маме было выражено. Когда мама сказала, что они разводятся, я думаю: «Как хорошо».

Паттерны отношений между членами семьи как устойчивые способы поведения формируют межличностные установки, убеждения, ценностные ориентации, ролевые ожидания, которые проецируются на собственные семьи информантов, формируют гендерные стереотипные представления, ментальные и поведенческие установки:

(1) Когда я ушла от Жени [мужа], мне было очень страшно, что ребенок останется без мужского внимания, потому что это важно для девочки, потому что на своем

примере, как любит меня мама и как любит меня папа, я понимаю, что, блин, это очень важно, когда приходишь, обнимаешь, «папа, папа», и они тебя любят. А она обделена. Это, конечно, плохо. Да, ее любит, конечно, бабушка, но мы живем отдельно... одно дело, когда папа живет, воспитывает, другое дело — бабушка;

(2) У меня с мамой не было особых доверительных отношений. Если ей что-то говоришь, она так: «Ну, бывает», и все. Я не лезу в жизнь мамы. Не вижу смысла, потому что с ее стороны поддержки не было. А зачем мне делиться с человеком, от которого я не получаю поддержку?

(3) [о муже] Его образ женщины — это мама. Очень опекающая, оберегающая его. Сначала она прямо звонила и спрашивала: «Он покушал? Ты ему приготовила покушать? А как он себя чувствует? Какое у него настроение? И ему хотелось, чтобы, наверное, я с ним так же общалась, когда он говорил: «Ты холодная, ты вот такая». Потому что мама проявляет к нему очень много заботы.

Все информанты (за редким исключением) состоят в официальном или гражданском браке, имеют 1–2 детей. Интервью выявляют ядерные характеристики образа идеального мужа: *работающий, непьющий, заботливый, любящий жену и детей, практикующий коммуникативное равенство в отношениях с женой:*

(1) Пс. А вот когда вы познакомились со своим нынешним супругом, вы на что ориентировались? Какого мужчину вы искали?

И. Чтобы он не пил запоями, чтобы работал, работающий, семейный.

(2) Пс. Вы счастливы в браке?

И. Да. Мне кажется, той заботы, которую муж мне дает, достаточно... Вот честно, мне бы лучше работать, ему бы лучше дома с детьми сидеть. Вот было бы идеально, у него больше получается находить контакт с детьми, он вкусно готовит, он чистоплотен, он помогает с приборкой, со всем.

(3) Пс. Каковы ваши отношения с мужем?

И. С мужем мы уже очень долго живем, друг друга слышим, понимаем, можем разговаривать на любые темы, искать пути выхода, допустим, если это надо.

Многие информантки имеют второй брак, причем именно женщина становится инициатором развода, отталкиваясь от национально-культурных, групповых или индивидуальных представлений о семейных правах и обязанностях. Семейная жизнь с мужем пьяницей, наркоманом, лентяем, изменником, дебоширом, тираном и т. п. отвергается как проблемная и неудовлетворительная:

(1) У него был вариант, конечно, не пить и вести нормальный образ жизни. Он выбрал такой вариант: еще больше начал пить, гулять и руку начал поднимать. Я его не то чтобы любила, терпела из-за ребенка. Когда уже побил, тогда я уже поняла, что все. Так мог толкнуть, схватить за волосы, а тут прямо с кулаками полез пьяный, и я поняла, что ребенок же это все видит;

(2) Я ушла от мужа. Ну, как тиран, что ли: «Сиди дома, никуда не ходи, все твои подруги плохие, ты от них плохого наберешься». Человека запереть нельзя. Дом-работа, я как бы... так и есть, но выходить и отдыхать, в тот же театр, я считаю, что это

нормально, а когда забирают вещи и никуда не отпускают — это не нормально. Давление с его стороны;

(3) Я просто не хочу, чтобы это стало каким-то, что он меня ударил, или он пришел пьяным раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, а я тут сижу, все это ем, ем, ем, ем, терплю, позволяю. Один раз позволила, он дальше может относиться к тебе так, уже такое было со мной. Поэтому сейчас я для себя тоже прорабатываю, что, если что-то случится, ты терпеть не будешь, ты уйдешь и не будешь жалеть.

Установки на правду как основу устойчивости брака, взаимное уважение и доверие способствуют преодолению внутреннего конфликта, открыванию своих мыслей:

Мне тяжело на самом деле потом будет. Обманывать вообще никого не хочу, скрывать тоже не хочу ни от кого.

В числе конфиденентов — родители, муж, подруги, коллеги:

(1) Есть очень маленький круг людей, которому бы я могла это сказать. Две моих близких подруги, ну, и мама;

(2) Мама — за. Папа... У него... другой взгляд на это: «Как ты воспринимаешь, что твои яйцеклетки передадут другой женщине?» Я говорю: «Пап, если так думать, то не было бы доноров»;

(3) [о муже] Я советовалась с ним. Сказала, что вот пришло такое письмо, что не хватает доноров, просят. Он говорит: «Если это для тебя не будет вредно, то почему нет»;

(4) Ну вообще, конечно, сначала ему [мужу] не понравилось, он очень сердился: «Как? Ты отдашь? Это же будет твой ребенок, он будет ходить на тебя похожим», а сейчас хорошо. Даже когда недавно приезжала подружка со своим мужчиной, мы разговаривали на эту тему, ее мужчина сразу такой: «Да как так можно?!» — Мой муж, наоборот, как бы встал на защиту и начал ему объяснять и так далее;

(5) Начальнику сказала. Он говорит: «Классно, здорово!»

Показательно, что только 20 % информантов готовы прислушаться к «вердикту» мужа: *В любом случае я хотела бы сохранить наши отношения, если бы он сказал: «Нет, я против» — то я бы не стала.* Остальные предпочитают автономизироваться от мнения близких.

Статус суррогатной матери не полностью укладывается в сферу донорства ооцитов. Согласно определению, суррогатная мать — это женщина, вынашивающая оплодотворенную яйцеклетку генетической матери и возвращающая ребенка после родов «заказчикам». Не всякая женщина — донор ооцитов готова стать суррогатной матерью. Ментально-ценностное напряжение отрефлексировано и находит свое вербальное воплощение:

Пс. *А вот когда есть такое большое желание помочь, не рассматриваете ли вы для себя суррогатное материнство?*

И. Нет. Я не буду вынашивать чужого ребенка.

Пс. Это ведь тоже помощь?

И. Это глобальная помощь для меня. Это не то, чтобы что-то сдать, это чужое принять в себя. Я не знаю, для меня это вообще как бы.

Пс. Вы сказали о том, что чужую яйцеклетку вы вполне можете принять.

И. Если бы я была бесплодной... Это не суррогатная мама, это другое, это я для себя рожу. А тут я буду чужого ребенка вынашивать. Мое — это мое, я потом не отдам ребенка (смеется).

Пс. Нет, но яйцеклетки вы же готовы отдать? Они ваши. И вы готовы их отдать.

И. Отдать, но не принять чужое. Сурмама — это другое. Это чужое... Да, это благое дело, это хорошо, я не знаю, но я не понимаю таких женщин, честно. Нет, это хорошее дело, но, если мне скажут: «Ты можешь стать суррогатной мамой» — скажу: «Извините, но нет». Знаете, честно вам скажу. Мне кажется, сурмама делает это ради денег. Там же очень хорошие деньги платят.

Симптоматично, что материальный мотив (*нужны деньги*) является ведущим для типажа *суррогатная мать* и играет важную роль в репродуктивном бизнесе:

- (1) Мне нужно, чтобы у меня было мое. Мои деньги, свое;
- (2) Пошла, потому что деньги были нужны... Машину купили, супруг настоял;
- (3) Можно бабосов заработать, да еще это такие легкие деньги.

В восприятии суррогатной матери вынашивание ребенка мыслится как коммерческий проект:

(1) На самом деле, я уже не первый раз участвую, я сдавала уже три раза. Два раза в банк, и один раз под реципиентов, конкретных людей. И дважды была суррогатной матерью... В первое суррогатное подсаживали две яйцеклетки, там были две девочки. Второй раз был перенос одной яйцеклетки, но она разделилась, и были близнецы. Дважды по две девочки... основная мотивация, конечно, финансовая, да;

(2) Мне нравится собрать силы в кулак, усиленно поработать, сделать что-то такое, что можно увидеть, пощупать, подвести результаты, и потом я в какое-то состояние покоя ухожу, мне становится скучно, когда уже без моего участия вроде бы все работает само самой... [например] как какая-то деятельность с недвижимостью: ты купил, отремонтировал, продал, получил, все...

Ключевое слово в финальной части «признания» — наречие *скучно* — формирует модальность бездушия, безразличия суррогатной матери к вынашиваемому ею ребенку. Она поддерживается маркерами фигуральной образности: сравнением (*как какая-то деятельность с недвижимостью*), переносными словоупотреблениями, парцелляцией (*купил, отремонтировал, продал, получил*), механистическими метафорами (*Я роль инкубатора, грубо говоря, сыграла, помогла им появиться на свет, и все... Никаких чувств к детям я не испытала, вот только лишь бы я выполнила свою работу*). Средства выразительности манифестируют идею возмездного отчуждения, «роботизации» процесса вынашивания и рождения (*Голова у меня выше чувств*), «сдачи в аренду» своего женского естества.

Такое же эмоциональное состояние испытывает подавляющее большинство генетических матерей, в проекции не желающих встречаться ни с рожденным от их яйцеклеток ребенком, ни с его родителями-воспитателями:

(1) *Если я отдаю свои клетки, это только клетки, биологический материал, и там женщина родит, это абсолютно ее ребенок, я не собираюсь ни искать, ни звонить, то есть мне дальше неинтересно;*

(2) *Не хочу видеть... своих... понимать, что это... мои. Материнские чувства как могут происходить? Ты носишь ребенка этого девять месяцев, ты его ждешь, ты чувствуешь, когда он шевелится в тебе, когда ты его рождаешь, и вот тебе его приносят, этот маленький комочек, тут и слаживается связь, когда тебе его прикладывают к груди, когда ты его кормишь грудью, вот тогда тут есть какая-то связь материнская. А когда ты где-то сдала, и не факт, что они ими тут же воспользовались, может, там через 5 лет... Я не считаю, что это мой ребенок, просто часть моих каких-то ДНК, я не буду чувствовать, что это мой ребенок. Я же его не выносила;*

(3) *Я даже думать об этом не буду.*

Семантику отказа несут глаголы и местоимения с отрицательной частицей не: *не собираюсь ни искать, ни звонить, не буду думать / чувствовать, не считаю, не выносила, не мой* и т. п.

У женщины-донора ярко выражено качество, входящее (наряду с другими) в ядро ценностных характеристик русского национального характера: готовность к самопожертвованию, соединенная со способностью претерпевать «воздействие неприятного фактора, не пытаться прекратить его действие и не терять контроля над своим поведением» [Шмелев, с. 418], которая в «традиционных народных представлениях оценивается скорее положительно» [Там же, с. 419]:

(1) **И.** *Я не могу отвечать на вопрос «Что я буду чувствовать?», пока не окажусь там. Я не знаю, что я буду чувствовать. Опустошения какого-то не почувствую, если что. Надеюсь, мне не будет больно.*

Пс. *А если больно?*

И. *То придется пострадать. Ну я же знаю, что это вмешательство, и в любом случае я живой человек, это может быть неприятно. Главное, чтобы не было осложнений, но если и будут, то я так понимаю, клиника обследует как минимум, каких-то серьезных последствий не может быть. Я же не в подворотне какой-то собираюсь это делать.*

Пс. *А если вы не сможете иметь больше детей?*

И. *Я понимаю, что могут быть риски, но я не хочу о них думать, я надеюсь, что меня это не коснется. Если я так решила, все, а дальше будь что будет. Ну, есть детский дом, в чем проблема? Там спасу кого-нибудь, я хотела бы ребенка взять из детского дома.*

(2) **Пс.** *Вы что, к гинекологу любите ходить?*

И. *Я их боюсь.*

Пс. *Все равно идете?*

И. *Да.*

Пс. *Вы всегда так делаете? Идете куда-нибудь и не знаете, что вам прилетит?*
И. *Да. Не знаю. [Плачет.] Вся жизнь так.*

Мотивационной и эмоционально-рациональной основой выбора донора является установка на оптимизм, сопряженная с отвагой, открытостью к новым возможностям, «бесшабашностью», что позволяет рискнуть, несмотря на последствия:

(1) Я просто думаю, что все хорошо будет. Я всегда позитивно ко всему настроена, очень много визуализации, и мне всегда все отдается, поэтому я настроена на положительный результат;

(2) Я больше склоняюсь всегда к тому варианту, который чаще всего происходит, поэтому мне спокойней жить с такой информацией, к этому 1 % не люблю себя относить;

(3) Я здорова, у меня взяли материал, я получила вознаграждение, у меня нет никаких последствий, ну в смысле я себя физически нормально чувствую, все хорошо и все история закончилась. Даже если бы меня не взяли на каком-то этапе, я прошла какие-то анализы прикольные.

Заключение

Донорство как явление современной жизни реализуется многолико и многогранно: нюансировка героического, приписываемого донорству крови, соседствует с прагматическими факторами — материальными стимулами при репродуктивном донорстве. В государственной пропаганде статус героев обретают доноры крови, обычные люди, готовые прийти на помощь другим. Идея повседневного героизма доноров крови, от которых, безусловно, требуется личное мужество, манифестируется выражением глубокой благодарности и признательности тем, кто бескорыстно сдает свою кровь. Более сложное неоднозначное отношение формируется к новому виду донорства, которое складывается в области репродуктивной медицины. Множество этических и правовых проблем ставит современного донора в ситуацию выбора — выйти за рамки привычного, приобрести свободу от ограничений и ожиданий окружающих. Женщины-доноры — личности, характеризующиеся аксиологической амбивалентностью. С одной стороны, для них важен принцип платного донорства, с другой стороны, их характеризует самодостаточность, независимость, способность к самопожертвованию, толерантность к неопределенности. Ригидность коллективного сознания, этическая неоднозначность, табуированность интимной жизни человека мешают общественному признанию и героизации донорства в репродукции, затрудняют широкое обсуждение проблем, которое пока ограничивается специальными медицинскими журналами.

Бабаджанов И. Х. Человек, его тело: проблемы собственности // Юрид. наука: история и современность. 2016. № 12. С. 170–177.

Бердышева Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экон. социология. 2012. Т. 13, № 1. С. 67–85.

Донорское движение в годы Великой Отечественной войны. URL: https://nfrz.ru/wp-content/uploads/2020/05/broshura_donorstvo_v_gody_vov_09-2.pdf (дата обращения: 18.07.2024).

Енина Л. В., Полякова И. Г. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в российских СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2024. № 89. С. 256–274. <https://doi.org/10.17223/19986645/89/14>

Изуткин Д. А. Человеческое достоинство и рационализация современной медицины в аспекте биомедицинских технологий // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 43–49. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49>

Купина Н. А., Шалина И. В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 23–62.

Курленкова А. С. Этические проблемы использования вспомогательных репродуктивных технологий // Мед. этика. 2014. № 1. С. 70–80.

Курленкова А. С. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынку ооцитов // Социология власти. 2016. Т. 28, № 1. С. 107–140.

Майленова Ф. Г. Трансформация традиционных моральных ценностей вследствие вмешательства современных биомедицинских технологий (на примере ВРТ) // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. ФИКОС 2020: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 28–29 февр. 2020 г. Ижевск, 2020. С. 219–225.

Орловецкая А. Г. Донорство крови как социальная практика: российская специфика // Журнал исслед. соц. политики. 2017. Т. 15, № 1. С. 7–20.

Саввина О. В. Этические основания регулирования донации гамет и практики co-parenting // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4(101). С. 19–26. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.019-026>

Хубулава Г. Г. Этические аспекты «живого» донорства // Вестн. СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 4. С. 79–84.

Шмелев А. Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 410–423.

Статья поступила в редакцию 06.01.2025 г.